

Н.Г. Долинина

3. Кто ей внушал умильный вздор, Безумный сердца разговор, И увлекательный и вредный?

«Куда? Уж эти мне поэты!»
— Прощай, Онегин, мне пора.
«Я не держу тебя: но где ты свои проводишь вечера?»
— У Лариных...
.....
«Представь меня».
— Ты шутишь.
«Нет».
— Я рад.
«Когда же?»
— Хоть сейчас. Они с охотой примут нас.
«Поедем».

Перед вами — начало третьей главы «Онегина». Я только расположила пушкинские строки так, чтобы нам легче было услышать разговор друзей: Онегина и Ленского. Странно подумать, что разговор этот происходит почти полтора века назад: «уж эти мне поэты», «мне пора», «я не держу тебя», «ты шутишь», «хоть сейчас», — все это привычные, сегодняшние разговорные выражения, и даже не верится, что в начале девятнадцатого века люди уже говорили так...

Говорили — да! Но не писали! До Пушкина никто бы не осмелился ввести в поэтическое произведение такую будничную, прозаическую беседу. А Пушкин не боялся «низких», «простых», «разговорных» слов и выражений, смело вводил их в поэзию.

В пушкинском плане романа третья песнь называется «Барышня». И эпиграф подсказывает: глава эта будет посвящена Татьяне. Вот этот эпиграф: «Elle etait fille, elle etait amoureuse». Malfilatre. В переводе это значит: «Она была девушка, она была влюблена». Мы сразу понимаем: Татьяна влюбится в Онегина. А Пушкин и не думает этого скрывать: в его романе главное не повороты сюжета (все в нем очень просто), а мысли, чувства, искания героев и автора.

Глава начинается тем, что Онегин едет с Ленским к Лариным, чтобы «увидеть... предмет и мыслей, и пера» поэта. Онегин очень точно представляет себе, что ждет его у Лариных: «варенье, вечный разговор про дождь, про лен, про скотный двор...» И действительно, друзей встречает

Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья...

Пушкин, как всегда, предельно краток. Мы ничего не узнали о том, как друзья провели вечер у Лариных, как Татьяна впервые увидела Онегина, что он ей сказал... Пушкин вообще не описывает этого вечера. Но тем не менее мы знаем о нем многое. Татьяна не встретила гостей, а вошла в гостиную позже. Она молча сидела у окна — развлекала гостей, видимо, Ольга. Но умный Онегин сразу понял обеих сестер:

«Неужто ты влюблен в меньшую?» —
А что? — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт...»

Каждый читает «Онегина» по-своему, и я вовсе не считаю свое прочтение правильным. Но для себя я знаю: вот здесь начинается складываться трагедия Онегина.

«Скажи, которая Татьяна?»

Ведь Евгений поехал знакомиться с Ольгой. Его интересовала Ольга — возлюбленная друга. Почему же спрашивает он не о ней, а о ее сестре? Почему говорит: «Я выбрал бы другую...» и тут же спохватывается: «Когда б я был, как ты, поэт...»

Встретились два человека, которые могут дать друг другу счастье. Встретились — и заметили друг друга, и могли бы полюбить... Но Онегин отталкивает от себя эту возможность: он не верит в любовь, не верит в счастье, ни во что не верит, не умеет верить. ..

А Татьяна — умеет! И верить, и мечтать, и ждать, и надеяться, и любить:

Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!

Что это значит: «душа ждала... кого-нибудь»? Неужели Татьяне действительно все равно, кого полюбить? Ведь вокруг нее много молодых людей; мы познакомимся с ними в следующих главах — всякие Петушковые, Пыхтины, Буяновы, — но эти люди не привлекают Татьяну, она ждет кого-нибудь необыкновенного, отличного от всех, с кем ей приходилось до сих пор встречаться. «И дождалась»!

Белинский, объясняя характер Татьяны, говорит:

«Весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви; ничто другое не говорило ее душе; ум ее спал... Девические дни ее ничем не были заняты, в них не было своей очереди труда и досуга... Дикое растение, вполне предоставленное самому себе, Татьяна создала себе свою собственную жизнь, в пустоте которой тем мятежнее горел пожиравший ее внутренний огонь, что ее ум ничем не был занят...

...И вдруг является Онегин. Он весь окружен тайной: его аристократизм, его светскость, неоспоримое превосходство над всем этим спокойным и пошлым миром, среди которого он явился таким метеором, его равнодушие ко всему, странность жизни — все это произвело таинственные слухи, которые не могли не действовать на фантазию Татьяны, не могли не расположить ее к решительному эффекту первого свидания с Онегиным».

Татьяна совсем не знает Онегина: она видела его один только раз, да еще слышала неодобрительные разговоры «расчетливых соседей». Она знает лишь, что Евгений не такой, как все вокруг, — этого оказывается достаточно, чтобы заинтересоваться, а потом и полюбить. Но ведь надо же знать, кого любишь! А Татьяна не знает людей — за исключением соседей, она никого не видела, — мужчины знакомы ей только по романам, она и наделяет Онегина качествами литературных героев:

Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон, —
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

Рассказывая о любви Ленского, Пушкин никак не позволял читателю отнестись к этой любви слишком серьезно: мы видели его легкую улыбку, чувствовали его недоверие к возвышенным страстям героя. Описывая любовь Татьяны, Пушкин один только раз позволяет себе улыбнуться: «бесподобный Грандисон, который нам наводит сон...» Но эта улыбка адресована не Татьяне, а Ричардсону — создателю нестерпимо скучного романа.

К любви Татьяны Пушкин относится всерьез и, более того, благоговейно. Почему же? Ведь, на первый взгляд, это та же романтически-напыщенная, выдуманная страсть, что у Ленского: ведь Татьяна тоже

Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...

Ведь Татьяна так же не знает и не понимает Онегина, как Ленский не знает и не понимает Ольги! И, казалось бы, Пушкин, рассказывая в строфах VIII–X о любви Татьяны, выбирает такие же возвышенные слова, как те, которыми говорил о Ленском: «очи», «жаркий одинокий сон», «волшебной силой», «уныние», «сладостный роман», «обольстительный обман», «плоды сердечной полноты»...

Слова такие же, а отношение автора к герою — иное. И это отношение, естественно, передается читателю. Если Ленский «сердцем милый был невежда», душа у него «безумная», блаженство «минутное», чувства «давно не новые» — то Татьяну Пушкин называет «девой милой», «мечтательницей нежной».

Вот что пишет Белинский:

«Здесь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко по-книжному. Зачем было воображать Онегина Вольмаром, Малек-Аделем, де Линаром и Вертером?.. Затем, что для Татьяны не существовал настоящий Онегин, которого она не могла ни понимать, ни знать; следовательно, ей необходимо было придать ему какое-нибудь значение, напрокат взятое из книги, а не из жизни, потому что жизни Татьяны тоже не могла ни понимать, ни знать. Зачем было ей воображать себя Кларисой, Юлией, Дельфиной? Затем, что она и саму себя так же мало понимала и знала, как и Онегина».

Татьяна очень мало знала жизнь, людей и даже себя — как и Ленский. Но по характеру она совсем иной человек, чем Ленский: «существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная» (Белинский). И если придуманная любовь Ленского может оказаться недолговечной, рассыпаться от первого же прикосновения жизни, то любовь Татьяны — настоящее, большое чувство, как бы по-книжному оно ни проявлялось. Вот почему Пушкин уважает эту любовь и преклоняется перед Татьяной.

В третьей главе Пушкин опять, не таясь и не прячась, беседует с читателем — на этот раз о книгах, о литературе, о деле поэта, о том, что волнует его больше всего. Строфы XI–XII — короткая и предельно точная картина современной Пушкину литературы:

Свой слог на важный лад настроя,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец.
Он одарял предмет любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистой страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

В четырнадцати строчках — полная, исчерпывающая характеристика законов литературы предшественников. Современные Пушкину книги — другие:

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен, и в романе,
И там уж торжествует он.

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы...

Британская муза — это, конечно, творения Байрона и его последователей, романтические книги. Пушкин любит Байрона, преклоняется перед ним — и в то же время осуждает «безнадежный эгоизм» его героев.

Пушкин знает, что человек может и должен быть счастлив и приносить счастье другим. В своем романе он показывает, как несчастлив и горек жребий безнадежного эгоиста; он спорит с Байроном, ищет новых путей и в жизни и в литературе:

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы...

Пушкин умеет писать о себе удивительно легко, а между тем — очень серьезно и про самое важное в его писательской жизни. Шутливое «и, Фебовы презрев угрозы, унижусь до смиренной прозы» написано в 1824 году, а первое прозаическое произведение Пушкин начал писать через несколько лет. Но уже в это время он замыслил переворот не только в поэзии («Евгений Онегин»), но и в драматургии («Борис Годунов»), и в прозе — предполагаемый «роман на новый лад».

Что же это за будущий роман, о котором мечтает Пушкин?

НЕ муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но ПРОСТО вам перескажу
Преданья русского семейства...
...
Перескажу ПРОСТЫЕ речи
Отца или дяди-старика...

Эта простая программа не так уж проста, как кажется. Прежде всего, Пушкин демонстративно отказывается от литературных позиций своих предшественников: «Не муки тайные злодейства я грозно в нем изображу...» Время, эпоха требуют от писателя не выдуманных колоссальных страстей и титанических фигур, а простого изображения простой жизни: «любви пленительные сны да нравы нашей старины», «несчастной ревности мученья, разлука, слезы примиренья» — вот что привлекает Пушкина. Это — обычная, будничная жизнь обычных людей, и в этой обычной жизни поэт хочет найти высокие страсти и прекрасные чувства, глубокие и сильные характеры...

Эту программу он уже выполняет — в стихах — в своем романе «Евгений Онегин». В обыкновенной русской деревне среди глупых надутых помещиков и замученных ими крестьян, среди пошлых сельских барышень вырос характер яркий, сильный, способный на трудное счастье неразделенной любви...

С тобой теперь я слезы лью,
Татьяна, милая Татьяна!
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь...

На протяжении пяти строк Пушкин два раза называет Татьяну «милой», да и вообще это слово постоянно сопутствует Татьяне. «Волшебный яд желаний», «искуситель роковой», «недвижны очи», «мгновенное пламя» — все эти слова Пушкин употребляет всерьез; потому что любит Татьяна всерьез, а других слов она не знает.

Знаменитый разговор Татьяны с няней — две любви, две судьбы. Казалось бы, огромная разница: девушка-дворянка 20-х годов XIX века, окруженная вниманием семьи,

заботами крепостных, — и крестьянская девушка чуть не середины XVIII века, ребенком еще отданная «в семью чужую», скорее как работница, чем как жена.

Татьяне уже кажется невероятным такое замужество:

«Да как же ты венчалась, няня?» —
Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет...

Но ведь и судьба Татьяны, с нашей точки зрения, ужасна: запертая в деревне среди диких людей, она волей-неволей вынуждена повторить жизнь своей маменьки, выйдя замуж за какого-нибудь отпрыска Скотининых, или ждать, когда ее повезут «в Москву, на ярманку невест» — каким унижительным кажется нам подобное путешествие!

Татьяна пытается вырваться из этого привычного для сельской барышни круга. Она — первая! — пишет письмо Онегину. Даже и в наше время не принято девушке первой открывать свою любовь — и это ведь, в сущности, правильно: такие понятия, как гордость, честь, не стареют. Во времена же Татьяны такой поступок был совсем уж неприличным. А мы не только не осуждаем Татьяну, но и сочувствуем ей. И читатели-современники сочувствовали. Потому что у нее есть могучий защитник — Пушкин. Он сравнивает искреннюю, бесхитростную Татьяну с девушками и женщинами света — и мы с отвращением смотрим на изображаемых Пушкиным «причудниц»:

Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада...
...
Они, суровым поведением
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умели вновь...
...
Кокетка судит хладнокровно...
...
говорит она: отложим —
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем...

Все эти дамы отвратительны своей неискренностью. А для Пушкина неестественность, лицемерие, фальшь — страшное зло! Гораздо позже, в 1833 году, в «Сказке о мертвой царевне» он снова воспевает простоту и естественность царевны, которая «живет без всякой славы, среди зеленыя дубравы у семи богатырей». И в жене своей Пушкин больше всего ценил ее «милый, простой тон». В том же 1833 году он писал ей:

«Ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышней».

Потому и защищает Пушкин Татьяну, что

...в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте...

Она «любит без искусства», «доверчива», «от небес одарена воображением мятежным, умом и волею живой, и своенравной головой, и сердцем пламенным и нежным». Главное же для Пушкина — «милая простота» Татьяны. Те самые условности света, которые заставят Онегина выстрелить в Ленского, не имеют для Татьяны значения. Она полюбила — и знает, что полюбила навсегда; это дает ей право написать своему избраннику.

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала...

Эти строчки каждый раз заново удивляют. Как?! Татьяна — «русская душою», Татьяна с ее любовью к русским лесам, с ее няней, «выражалась с трудом на языке своем родном»? Как же она с няней разговаривала? С няней, конечно, по-русски — но, видимо, только с няней да с дворовыми. Читала Татьяна по-французски и по-английски, писать ей тоже было легче на чужом языке — так ее воспитали.

Татьяна написала и сложила письмо в строфе XXI, кончающейся вопросом: «Татьяна! для кого ж оно?» Целых десять строф отделяют этот вопрос от самого письма. Пушкин описывает лицемерных светских красавиц, сообщает о своей нелюбви к ученым женщинам; обращается к «певцу пиров и грусти томной», поэту Баратынскому, с «просьбой нескромной»: «чтоб на волшебные напевы переложил... страстной девы иноплеменные слова».

Пушкин сознательно нагнетает тот трепет ожидания, которым уже охвачен читатель. Что же написала Татьяна Онегину? ЧТО и — КАК?! — если сам Пушкин не осмеливается «переложить» ее письмо «на волшебные напевы»?

И вот, наконец, строфа XXXI — одна из самых нежных, и страстных, и сильных строф романа:

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц...

Письмо Татьяны пронизано тем же громадным чувством, о котором уже рассказывал нам Пушкин, и выражено теми же книжными словами, которые уже показал нам поэт: «несчастливая доля», «души неопытной волненья», «то в вышнем суждено совете», «до гроба ты хранитель мой», «ты в сновиденьях мне являлся», «кто ты, мой ангел ли хранитель или коварный искуситель»... Более того, в письме есть места, прямо заимствованные из любимых книг Татьяны: недаром она бродила по лесам, «воображаясь героиней своих возлюбленных творцов», и «в забвенье» шептала «наизусть письмо для милого героя». Но в том-то и дело, что Пушкин сумел показать, как за книжными словами живет настоящее чувство. Татьяна прекрасно понимает, что поступок ее неприличен с точки зрения привычной морали окружающих людей:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

Любой знакомый Татьяне молодой человек стал бы презирать ее за то, что она первая написала ему письмо. Любой — но не Онегин! Неопытная Татьяна чувством понимает людей лучше, чем умом, она знает: Онегин не такой, как все, для него не такое значение имеют законы света, он не осудит, не станет презирать ее, — ведь эта самая необычность Онегина и привлекла ее к нему! Она верит Онегину:

Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

Когда читаешь книги гениальных писателей, испытываешь трепет перед необъяснимым чудом. Как, откуда, каким образом мог Толстой узнать, почувствовать и передать ощущения шестнадцатилетней девушки на ее первом бале? Кто дал Чехову этот дар проникновения в душу женщины, ждущей ребенка, или в мучительную тоску старого извозчика, у которого вчера умер сын — и некому поведать свою печаль?

Письмо Татьяны — одно из таких чудес. Оно все — порыв, смятение, страсть, тоска, мечта, и при этом оно все — подлинно, оно написано именно русской девушкой, начитанной и неискушенной, нежной и одинокой, чувствительной и застенчивой.

Татьяна начинает свое письмо, как полагается: она обращается к Онегину на «вы», объясняет мотивы своего поступка:

Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас...

Как и всякий влюбленный человек, Татьяна невольно обманывает себя. Ей только кажется, что это — уже счастье: «хоть редко, хоть в неделю раз» видеть Онегина. Разумеется, ей не хватило бы встреч раз в неделю, душа ее слишком богата, ей надо или все — или ничего. Поэтому она и пишет, не в силах ждать, не в силах переносить неизвестность: может быть, Онегин тоже заметил, тоже полюбил ее. Тогда — счастье, тогда — полная радости жизнь. Если же нет — что ж, лучше горе, чем неизвестность.

Татьяна пытается обмануть себя и в другом:

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Верная супруга — кого? Петушкова? Скотинина? Да невозможно же это! Не могла Татьяна с ее пламенной душой, с ее «воображением мятежным» полюбить обыкновенного, низменного, средненького человека из окрестных поместий! Не могла — да и не хотела! Потому что для настоящего человека есть радость и в неразделенной любви. Есть радость в «горьком мученьи» — такая чистая, огромная радость, какой никогда не узнать Ольге с Ленским при всем «благополучии» их любви.

Татьяна и сама понимает, что обманывать себя незачем. Начав письмо спокойно, она через несколько строк сбивается на другой тон — взволнованный, страстный:

Другой! .. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя...

В одном из пушкинских стихотворений есть такие строчки:

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвись, заменила...

Вот и Татьяна заменяет пустое «вы» сердечным «ты», сама не замечая этого, потому что слишком она полна своей любовью, своей печалью, своей надеждой...

«Здесь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко по-книжному...» Все, что пишет Татьяна Онегину, сбивчиво, искренне и... все-таки заимствовано из ее любимых романов:

...Я знаю, ты мне послан богом,

До гроба ты хранитель мой...
 Ты в сновиденьях мне являлся...
 ...
 Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
 Вся обомлела, запыхала
 И в мыслях молвила: вот он!
 ...
 Ты говорил со мной в тиши,
 Когда я бедным помогала
 Или молитвой услаждала
 Тоску волнуемой души...
 ...
 Кто ты, мой ангел ли хранитель
 Или коварный искуситель...

Все это — признания любимых героинь Татьяны, их слова, их чувства — но, в то же время, это и чувства самой Татьяны, только выраженные заимствованными словами. Один-единственный раз прорывается ее собственная интонация:

Вообрази: я здесь одна,
 Никто меня не понимает...

Мы уже видели: ни мать, ни отец, ни Ольга, ни соседи, ни даже Ленский не в состоянии понять Татьяну. Ее может — и должен! — понять Онегин: недаром она так долго ждала его — « дождалась!»! А он не захотел, не сумел, испугался понять Татьяну.

Пушкин не любит многоточий, он почти никогда не употребляет их в своей авторской речи. Но здесь — в концовке письма Татьяны — он три строчки из четырех заключает многоточиями, и мы чувствуем смятение героини, мучительную смену тоски и надежды... И снова возникает это «вы» — как и в начале, неудавшаяся попытка сохранить спокойный, вежливый тон:

Кончаю! Страшно перечесть...
 Стыдом и страхом замираю...
 Но мне порукой ваша честь,
 И смело ей себя вверяю...

Письмо написано. Но нужно ведь еще решиться его отправить!

Татьяна то вздохнет, то охнет;
 Письмо дрожит в ее руке;
 Облатка розовая сохнет
 На воспаленном языке.
 К плечу головешкой склонилась.
 Сорочка легкая спустилась
 С ее прелестного плеча.

Пушкин не только понимает свою героиню, он любит и жалеет ее. Всего два слова: «головушка», «прелестного» — но за этими двумя словами — нежность и сочувствие.

Наступило утро. Но Татьяна ничего не видит. «Она зари не замечает», и только появление няни прерывает ее задумчивость. Второй разговор Татьяны с няней снова удивительно точно рисует два совсем разных мира: молодой, яркий, влюбленный, мятущийся мир девушки и спокойный, медлительный, скучно-однообразный мир няни. Татьяна в волнении, речь ее прерывиста:

Не думай... право... подозренье...
 Но видишь... ах! не откажи.

Она просит няню послать «тихонько внука с запиской этой к О... к тому... к соседу...»
 А няня так далека от волнений любви, что ничего не может сообразить:

«Кому же, милая моя?
 Я нынче стала бестолкова.
 Кругом соседей много есть;
 Куда мне их и перечесть».

Кто же поймет Татьяну, с кем разделить чувства, переполняющие душу? Не с Ольгой же — она так спокойна и так прилично счастлива со своим Ленским! Нет, один Онегин может понять, один Онегин! И Татьяна отправляет письмо.

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все нет как нет.

Татьяна извела муку ожидания вполне. Уже и Ленский приехал, а от Онегина — никакой весточки. Так и представляешь себе мучительную тоску Татьяны, ее нетерпение, видишь, как она выглядывает из окна, прислушивается к каждому звуку, доносящемуся с дороги: не топот ли его коня?! А кругом — обычная жизнь:

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал...

Пушкин умеет рассказать о будничном вечере в помещичьей семье так, что читателю кажется: сам он сидит в гостиной старого дома. Поэт замечает все милые мелочи быта: самовар, китайский чайник, душистый запах крепкого чая — но Татьяне не до того: она видит все это каждый день, ей опостытели и эти чашки, и эти разговоры — ее другое занимает; она, как миллионы девушек до и после нее, уносится мыслями в другой мир, уходит от привычного, обыденного, пишет на стекле заветный вензель...

Когда чего-нибудь очень ждешь, всегда пропускаешь необходимую минуту, и это «что-то» совершается неожиданно. Так и Татьяна, прождав Онегина два дня, все-таки не была подготовлена к его приезду, все-таки восприняла топот его коня как что-то неожиданное, внезапное. Она в таком волнении, что бежит от Онегина — бежит, сама не зная куда; бежит от встречи, которой ждала с таким нетерпением... В глазах у нее мелькают предметы: «куртины, мостики, лужок...», она их не замечает:

Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

В первый раз за все три главы Пушкин переносит одно слово в следующую строфу: «упала...» А до этого — нагромождение глаголов, выражающих движение: «летит, летит... обежала... переломала... летя... задыхаясь...» — и, наконец, «на скамью упала...»

Что же такое — любовь, если она приносит такие муки? Может быть, лучше прожить жизнь спокойно, не зная ни ее быстролетных радостей, ни ее долгих мук? Вероятно, нельзя дать общего ответа на этот извечно мучающий людей вопрос. Татьяна, во всяком случае, предпочла беды и радости любви спокойному и рассудительному течению привычной жизни. Онегин — тот выбрал другое. Кто из них счастливее, кто богаче?

Татьяне кажется, что весь мир перевернулся, все вокруг должно быть так же взволновано, так же взвихрено, как ее душа. Но — ничего подобного! — жизнь идет своей чередой:

В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,

Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

В жизни часто случается такое: горе перемешивается с радостью, возвышенное с низким, громадные трагедии — с мелкими расчетами... Татьяну волнует одно: что скажет ей Онегин. А вот мать Татьяны обеспокоена совсем другим: чтобы все ягоды были собраны, чтобы ничего не попало крепостным девушкам.

Татьяна не слушает песни девушек — ей не до нее. А песня эта прекрасна. Написал ее Пушкин в Михайловском — в то самое время, когда, надев красную рубаху, ходил на ярмарку слушать и записывать народные песни и сказки. Он подарил пачку записанных им песен собирателю народного творчества П. Киреевскому и предложил ему разобрать, «которые поет народ и которые смастерил я сам». Песня девушек в «Евгении Онегине» пронизана народным духом — и в этом ничего нет удивительного.

Но Татьяне не до песен — ей лишь бы как-нибудь совладать со своим волнением, взять себя в руки. Вот, наконец, ей это удается — но, едва завидев Онегина, она снова теряет самообладание:

Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестя взорами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И, как огнем обожжена,
Остановилась она.

Если бы у такого свидания были свидетели, они, без сомнения, не увидели бы в Онегине ничего особенного, никакого «блистающего взора», и нисколько он бы не напомнил «грозную тень». Это восприятие Татьяны, романтической, влюбленной, страдающей, терзаемой раскаянием, надеждой, страхом. Пушкин довел до самой высшей точки напряжение героини, а вместе с ней и читателя. Но именно в этом самом месте, когда читателю уже не терпится узнать, что будет дальше, как сложатся отношения героев, Пушкин прерывает рассказ, со своим милым хитроватым юмором объясняя читателю:

Но следствия нежданной встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.